

Е.П.Блаватская

Письмо из Индии

Пуна, 1880 г., февраля 18.

Двадцать лет тому назад торжественно возили по всей Индии – якобы для лучшей острстки – заключенного в железную клетку Нана Саиба¹, выданного его кузеном магараджею Галиорским². Возили чуть ли не шесть недель кряду, кичась поимкой, и перестали возить лишь когда, собрав справки, узнали, что пленник вовсе не кровожадный мститель, а лже-Нана-Саиб, какой-то злополучный пастух. Что сделали с этим несчастным неизвестно. Кажется, что для очищения совести его убили, дабы не болтал; а как вывернулся махараджа и какой дал ответ за этот ловкий подмен, – покрыто мраком неизвестности. Рассказывают, однако, будто бы он оправдался тем, что сам своего пойманного не видал, а полагаясь на показание своих подчиненных, отослал его прямо англичанам. Ныне в Мадрасе происходит новая выставка мятежника, но уже не живого. Любопытствующая публика может видеть заключенную в банке со спиртом голову Чендрии³, знаменитого вождя мятежников Румпы.

Этот Чендрия в продолжение более года без всяких материальных средств с горстью людей и вооружением времен царя Гороха сражался успешно с вооруженною силой одной из самых могучих наций мира. Он вышел на опасную арену, объявив наперед, что жертвует жизнью своею и своего семейства, и сдержал слово. Газета *Амрита Базар Патрика* – представительница туземной оппозиционной партии в Калькутте и всех недовольных Индии провозглашает Чендрию героем, ставя его несравненно выше Фадке⁴, только что сосланного из Пуны вождя разбойников. «В то время, – говорит она, – как последний никогда не подымался в глазах правительства выше атамана *дакоитов*⁵, Чендрия с первого же дня карьеры был возведен правительством в высокое достоинство мятежника».

Началом бунта в Румпе послужило бесчеловечное обращение полиции с ее жителями. Закон абкари⁶, применение коего не касалось до их уезда и от повинностей которого они были освобождены, вдруг нежданно и негаданно обрушился им на голову вследствие чистого произвола полиции. С незапамятных времен жители Румпы пили свое *тодди*, не платя ничего за пальмы на собственных землях. Полиция потребовала взноса налога с каждого куста и дерева и не только избивала всех противившихся, но, помогая сборщикам податей, обесчестила самым наглым образом их жен и дочерей. Румпанцы убили полицейского чиновника. Их признали мятежниками и послали против них вооруженную силу. В самое это время Чендрия, известный своею силой, скрывавшийся в горах Нарзапатана, прибежал на помощь своим соотечественникам в Румпу и был единодушно выбран ими в вожди.

Первым делом Чендрии было направиться к Визиагапатамским⁷ Холмам, где он сжег несколько полицейских постов, перебил полицейских агентов и, отобрав у них их платье, амуницию и оружие, перерядил своих людей в одежду убитых ими несчастных сипаев. Большой отряд полиции, посланный захватить его со всею шайкой, убежал разбитый румпанцами, которых,

Статья публикуется по: *Русский вестник*, 1880, №5, подписана: Радда-Бай.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ Нана Сагиб (Nana Sahib, 1924–?) – один из лидеров индийских повстанцев в ходе восстания сипаев 1857 г.

² Гвалиорским (*англ.* Gwalior).

³ Дхараконд Чендрия (ум. 1880) – руководитель антианглийского крестьянского восстания народа телугу.

⁴ Васудев Балвант Пхадке (Phadke, 1845–1883) – руководитель крестьянского восстания в 1879 г.

См. заметки об аресте Пхадке: *Новое время*, 1879, №1218, 21 июля (раздел «Внешние известия. Индия»); *Новое время*, 1879, №1244, 16 августа (раздел «Внешние известия»).

⁵ вооруженных бандитов (*англ.* dacoit).

См.: Партизанская война в Индии // *Новое время*, 1879, №1281, 22 сентября (раздел «Внешние известия»).

⁶ Старый закон, выкопанный сэр[ом] Джоном Стречеем и выведенный им снова в силу как предлог для новых налогов на *тодди* – кокосовую водку. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Абкари – изготовление или сбыт спиртных напитков.

Джон Стрейчи (Strachey, 1823–1907) – британский государственный служащий в Индии.

⁷ *Англ.* Visigapatan.

так как на них были одинаковые с полицейскими мундиры, нельзя было отличить от сипаев. Затем Чендрия дрался в рукопашной схватке с капитаном Блэкслендом (Blaxland) и обратил его в бегство. За капитаном явился на отомщение мистер Миллет, главный инспектор Годаварского округа, и Чендрия не только разбил его отряд наголову, но даже преследовал беглецов около семи миль, после чего осадил его в Чодавараме и держал в осаде трое суток. Отряд был спасен лишь своевременным прибытием гарнизона из Годавари. Замечательно, что Чендрия не только не нападал на кого другого, но даже покровительствовал как туземцам, так и англичанам, не принадлежавшим к полиции. Вся его энергия и бешеная месть казались направленными единственно против полиции и всех сносившихся с нею. Он резал полицейских сипаев и агентов с рассчитанною жестокостью. Поймав жертву, он отправлялся с нею в ближайшую пагоду и там заставлял обреченного трижды обходить вокруг идола богини и затем одним ударом острого меча отсекал ему голову. Фанатически верующий в своих идолов, он считал, что для богов не может быть приношения приятнее голов и крови полицейских инспекторов и сипаев. Еще недавно одно имя Чендрии заставляло дрожать и бледнеть последних.

Наконец, дерзость его возросла до такой степени, что он послал прямое предложение правительству как от одной воюющей стороны к другой. Он предлагал англичанам освободить из тюрьмы его мать, жену и брата и самого его признать за вождя и начальника румпанцев. В таком случае он обещал им не тревожить их более и даровать жизнь даже столь ненавистной ему полиции... За этот последний год Чендрия доводил английские власти до бешенства.

И ныне, когда голова Чендрии упала с плеч, румпанцы не унывают. Час спустя после смерти вождя они избрали себе другого начальника, так же мало отступающего пред чем-либо и готового на самые безумные подвиги.

В самый день, когда голова Чендрия была отправлена в Мадрас, 400 человек мятежников атаковали сильный полицейский пост. Но это еще не все. Власти ожидают второго издания мятежа Румпы в Мизорском округе, где появилась шайка из 400 или 500 даконтв. На этот раз предводителем оной является опять «молодой и смелый брамин» – вроде Фадке, – но умнее и храбрее его, по отзывам *Амриты* и других газет, советующих властям которые не знают, что далее делать с головой Чендрии, послать ее «брамину» – для своевременных размышлений над нею.

«Голова Чендрии, – замечает та же трунящая над властями газета, – по-видимому, содержала в себе мало арифметических способностей. Расчеты, слагавшиеся в ней, были так слабы, что она даже и не взяла на себя труд рассчитать, что ее ожидает в этой бесплодной борьбе с правительством. Но если голова не обладала даром арифметических выводов, зато она была полна логики, – того особенного рода логики, которая одна способна навести на разум упрямое правительство. Логика Чендрии должна будет, наконец, убедить последнее в том, в чем напрасно старались все его доброжелатели и в продолжение стольких лет уверить его, а именно, что есть тяжести, способные сломать спину даже у самого терпеливого и выносливого верблюда. Логика Чендрии открыла правительству глаза и доказала ему, что есть границы как для постоянного увеличения налогов, так и для своевольных притеснений полицией».

«Голову эту, – рассуждает другая газета, – могли бы пересылать из одного полицейского поста в другой, где, глядя на нее, чиновники могли бы извлекать из своих воспоминаний самые философские размышления. Затем ее могли бы с пользой для Индии превратить в пресс-папье и поставить в рабочем кабинете сэра[а] Джона Стреча, где он привык выжимать из бездонной глубины своей творческой фантазии новые законопроекты о налогах: отрубленная голова могла бы таким образом, напоминая благородному джентльмену о пределах человеческого терпения в вопросе о податях, служить ему мериллом для его будущих спекуляций; нашептывать ему в ухо, что есть точка, которую не заставить даже ему перейти самый терпеливый из народов, точка, наконец, на которой самые смиренные и благонадежные из верноподданных ее величества теряют не только всякое терпение, но даже, без каламбура, и голову. С равным успехом наши властелины могли бы послать “голову” тем из их клики, кто первый затеял и постановил закон о всеобщем обезоружении страны (*Arms Act*). Одна эта отсеченная голова способна решить проблему, насколько вышесказанный закон явился серьезною преградой планам и вооруженным действиям против правительства хотя бы ее бывшему хозяину “даконту” Чендрии? И только тогда, когда будет категорически решен этот вопрос касательно обезоружения, а вследствие этого и “беспомощности” Индии в случае вновь затеянного мятежа, только тогда, говорим мы,

правительство получит полное право выставлять на площадях подобные головы, громко провозглашая всему миру: глядите и содрогайтесь, вот как погибают в завоеванных вами странах те, которые дерзают братья за оружие против британской власти!..»

Местные газетные выражения неудовольствий для британского управления Индией большого веса, конечно, иметь не могут. Но посторонний зритель, естественно, может спросить: каким образом 60000 европейцев могут явиться властелинами недовольной массы в 240 миллионов человек, хотя бы по закону и обезоруженной? Не оружия и не храбрости недостает индусам, а единомыслия и согласия. Вековая ненависть между сектами и *каста[ми]* – вот спасительная доска Великобритании в Индийской империи, а главное – совершенно вымирающий патриотизм и отсутствие чувства собственного достоинства. Брамин, затирающий шудру подошвой босой ноги в грязь, сам пресмыкается пред каждым европейцем во прахе. Вчера еще один из знатнейших княжеских потомков Пуны, находясь на платформе железной дороги, на которую он провожал приятеля, получил кровавое оскорбление и беспрекословно проглотил его. Без всякого к тому повода проходивший мимо полупьяный англичанин с громким восклицанием: «Вот один из этих изменников и интриганов пунский брамин!» одним поворотом руки сбил с его головы тюрбан под колеса поезда. Кругом стояло множество туземных полицейских и брамин, личный знакомый генерал-губернатора Бомбейского, у которого сэр Ричард Темин⁸ очень часто обедает, только побледнел и, разинув рот, беспомощно поводил глазами. Закон не позволяет туземному полицейскому арестовать англичанина, хотя бы последний совершил перед его глазами убийство, а европейского *констебля*⁹ не было в то время на платформе; да и если б и был, то десять против одного, он не арестовал бы земляка по просьбе туземца, а явился бы еще в суд свидетелем за первого. Подпивший англичанин сел в вагон и уехал посмеиваясь... Эту сцену я описываю как очевидец.

В свою очередь туземные принцы имеют все причины быть недовольными английским правительством и весьма мало причин любить англичан и соблюдать верноподданнические чувства.

Правда, как принц Вельсский¹⁰, так и герцог Эдинбургский¹¹ были с почетом приняты этими принцами, восхваляемы, угощаемы, заверяемы в преданности. Принцы, по-видимому, живут в полном согласии и дружбе с лордом Литтоном¹²; постоянно посылают чрез политических резидентов свои уверения в полной любви и преданности к правительству. Когда принц Вельсский опасно заболел и доктора отчаивались в его жизни, индийские принцы приказали браминам служить публичные молебствия за его выздоровление, кормили нищих, тратили большие суммы на идолов и жрецов и посылали каждый день телеграммы в Лондон. Когда принц выздоровел, махараджи почти разорились на публичные празднества. Многие из них первые предлагали помощь во время войны в Абиссинии¹³, и, наконец, когда была объявлена афганская война¹⁴, все до единого предложили как помощь, так и деньги. И несмотря на все это, британскому правительству едва ли можно положиться на такую, по-видимому, искреннюю преданность. Газета *Examiner*, подводя итоги, приходит к заключению, что индийским принцам *невозможно*, если только они люди, а не истуканы, любить англичан. Газета напоминает, что когда правительство отобрало Индию от Ост-Индийской Компании, то в страну была послана самая торжественная прокламация, в коей королева давала свое державное слово туземным принцам, что, доколе *они* останутся верными, в их внутренние дела никто и никогда не станет вмешиваться. Неприкосновенность их прав и привилегий, обычаев их страны, религии и законов была особенно гарантирована, а честь и достоинство их сана – так уверяла прокламация – находились отныне в ревнивейших руках отеческого правительства. И что ж? Индийское правительство не соблюло ни одного из обещаний, выраженных в королевской прокламации; одно за другим оно обошло

⁸ Ричард Темпл (Temple, 1826–1902) – генерал-губернатор Бомбейской провинции (1877–1880).

⁹ *Англ. constable.*

¹⁰ Альберт-Эдуард (1841–1910) – принц Уэльский (Prince of Wales), король Великобритании с 1901 г. под именем Эдуарда VII. В 1875–1876 гг. совершил поездку в Индию.

¹¹ Альфред Эрнест Альберт (1-й герцог Эдинбургский, 1844–1900) – второй сын королевы Великобритании Виктории. В 1869 г. посетил Индию.

¹² Эдуард Роберт Литтон (1831–1891) – английский дипломат, вице-король Индии (1876–1880).

¹³ Англо-эфиопская война 1867–1868 гг.

¹⁴ Вторая англо-афганская война 1878–1880 гг.

каждое, и в то время как принцы выполняли все условия их преследовали и оскорбляли при каждом удобном случае; вмешивалась не только что в официальные дела правления, но даже в их собственные домашние распоряжения; их каждый шаг находится под строгою опекой резидентов. Этими принцами играют, как пешками; у них отымают законные наследия, перемещают их с места на место, лишают престолов. Махарадже Ревоскому, более всех других помогавшему англичанам подавить мятеж 1857 года, услуги коего были так велики, что сама королева приказала возвести его в доблестный сан великого Командора Звезды Индии, этому махарадже *приказано* или отречься от престола и получать пенсию, или же ожидать постыдного свержения, и все это без всякого повода, кроме ничем не оправданного подозрения. Чего также можно ожидать от Синдии¹⁵, самого богатого и главного из независимых индийских принцев? «Во время бунта, – говорит *Examiner*, – он стоял за нас в продолжение всей невзгоды и с тех пор неоднократно доказывал нам свою преданность и доброжелательство, а мы – мы не исполнили *ни одного* из данных нами ему обещаний. Мы вмешивались в его публичные и частные дела, оскорбляли его лживыми доносами и обращались с ним с величайшею подозрительностью. Мы объявляем без малейшего колебания, что самые торжественные поручительства трех вице-королей оказались лживыми.... Хотя Синдия тоже пожалован в великие Командоры Звезды Индии за верность, оказанную вам в 1857–1858 годах, ваши войска занимают его столицу и крепость и ваши пушки направлены к его дворцу.... В эту минуту в Англии находится раджа, которому индийское правительство отказало в его законных правах; престол, на который он имел законное право, сделался свободным, но индийские власти, вопреки правам, обычаю, прокламации и всего остального, отказали ему в праве наследия. Они посадили на его место незаконнорожденного родственника, поведение коего сделалось настолько постыдным, что они были принуждены сместить его менее, нежели чрез год.... А сместив, принялись сами управлять государством и его доходами. Настоящий наследник, как мы сказали, в Лондоне, где живет почти нищим. Нет никаких препятствий к его престолонаследию. Он верный и способный человек, а главное – прямой наследник. И вот, в то время как он умирает в Лондоне с голода, стараясь найти правосудие, британский резидент получает от его доходов 6000 фунтов стерлингов, безмятежно царствуя на его месте».

Голоса «алармистов»¹⁶ вроде газеты *Examiner* не имеют впрочем большого значения. Английское правительство спокойно за прочность своего владычества в Индии. «Кого бояться англичанам в этой стране покоренных, ослабевших рабов?» – спрашивают местные органы печати (в Индии издается более 3000 ежедневных, еженедельных и ежемесячных газет и журналов на английском и более чем на пятидесяти туземных языках и диалектах). Уж конечно не союза туземных принцев, за каждым шагом которых следят английские резиденты, держа их на привязи, не выпуская их из виду даже в их собственных спальнях. Эти принцы, разделенные взаимною недоверчивостью и завистью, деморализованные английским воспитанием, не страшны Англии. Остается народ. Но неужели опасен кому-либо такой народ, эти миллионы трусливых, терпеливых, вьючных животных, презираемых высшими кастами, оплеванных и своими, и чужими, готовых за грош и за кусок хлеба продать богов, отца, мать и детей, привыкших к вековой неволе и остающихся совершенно равнодушными кто управляет страной, лишь бы их менее колотили и давали более есть, и смутно чувствующих, наконец, что уйди англичане завтра, им будет еще хуже от своих? Общее восстание немыслимо в Индии; а к частным мятежам англичане привыкли и всегда сумеют подавить таковые.

Тем не менее, владычество это покупается не малою ценой. Индия стоила Англии за последние годы более, нежели все ее колонии, взятые вместе со времени их приобретения. Англия не спит, не ест, думая как бы охранить не только столбовую дорогу в Индию, но даже и все щели вокруг нее. Гибралтар, Мальта, Аден, все эти места занимают должность сторожевых пикетов и требуют солдат и денег. Ради одной Индии Англия скупил почти все акции Суэцкого¹⁷ канала, добыла Кипр у беспомощных турок и Хонг-Конг¹⁸ у китайцев. Ради Индии Англия постоянно

¹⁵ Джаяджи Рао I Синдия (1835–1886) – махараджа Гвалиора (1843–1886).

¹⁶ Алармист – человек, распространяющий в обществе дурные слухи.

¹⁷ Суэцкого (*англ. Suez*).

¹⁸ Гонконг (*англ. Hong Kong*).

сцепляется с Китаем, Бурмой¹⁹, Персией, Афганистаном и особенно с Россией. Ее главной заботой теперь является сторожить каждое движение России. Здешние газеты уверяют, что все эти трудности исчезли бы, если бы английское правительство решилось передать в руки туземцев всю администрацию страны, предоставив им право выбирать и постановлять собственные законы, управляя страной по своему лучшему усмотрению. Для управления иностранными делами газеты допускают губернатора-англичанина, назначаемого из Англии. Сбор податей должен оставаться в руках туземцев, которые и обязуются-де уплачивать из них за содержание известного числа английских войск в Индии. Позволительно очень усомниться, чтобы такой план встретил сочувствие английского правительства и английского народа...

¹⁹ Бирмой (*англ.* Burma).